

Олег Северюхин
Я вас поглажу мягкой лапой

Олег Васильевич Северюхин

Я вас поглажу мягкой лапой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060450

ISBN 978-5-4474-1454-2

Аннотация

В сборник вошли лирические, философские и публицистические стихи периода 2005—2012 годов. В какой-то нелегкий период жизни после посещения одной маленькой церквушки проза жизни уступила место лирике и все стало налаживаться. Поэтому и обращение к поэзии означает перемены к лучшему.

Содержание

Я вас поглажу мягкой лапой	9
«Мне природа была вместо няни...»	11
Дама у камина	13
Бал в офицерском Собрании	16
Календарь	18
Жизнь «на авось»	20
Корнет	21
Лейла	23
Мне ночь не нравится	28
Проснемся мы с тобой под утро	29
Жила на свете сеньорита	31
Сорок первый	33
Дождливая среда	34
Устал от жизни беспробудной	35
Василёк	37
Нас подружил весенний вальс	39
Гарем	41
Баргузин	42
Как хорошо жить безмятежно	43
Когда нагрянет в гости дама	45
Дамское	47
Давно мне что-то не поется	48
Помню шампанского дождь	50

«Я помню, как быстро...»	51
Мой старый с мезонином дом	52
Гадание	53
Головная боль	56
Образцовые гусары	57
Храм на берегу реки	59
Японские стихи	61
Два самурая	63
Я умру от пронзительных глаз	64
Мой знакомый кардиолог	66
Коптилка	68
Красавица-крестьянка	70
Кочевник-кумли	73
Лора	74
Вперед, в атаку, гренадеры!	75
Лунатик	77
А ты кусала марципан	79
В метро в час пик переполох	81
Подарит монетка случайное счастье	84
Здесь начало Амура	86
Отгоняем нечистую силу	87
Русская немка	88
Темы Омска	90
О ведьмах	92
Сижу у печки изразцовой	95
Я влюбился в полуденный сон	97

Прощание	99
Скажу – совсем я не Есенин	100
Прощание с конем	102
Я вас поглажу против шерсти	104
Дева незнакомая в платье голубом	106
Сказочный сон	108
Снегопад	109
На старой пластинке царапины шелк	111
Свое горе – самое горькое	112
В любом романе есть Татьяна	113
Тост	115
чего-то вдруг в какой-то год	116
Я люблю считать моих верблюдов	118
Вертолеты	120
Вокзал	121
Встреча	122
Догорает свеча	123
Ночной Дозор в Омске	125
Прости, родная, за границу	126
Девушке с красивыми глазами	128
Стерва номер раз	129
Номер два	131
Номер три	133
Водка	135
Гусарский полк от нас уходит	137
Поет на диске Челентано	139

Я чужеземец, марсианин	141
Хулиган я – сентябрьский ветер	142
Мне в теплом доме хорошо	144
Встреча в дороге	146
«Мне все равно: читает меня кто-то...»	147
Театр одного актера	148
Надену я плащ с балахоном	149
Хрустальные ели	150
У нас на Руси благодать	151
Мотыльки	153
Ностальгия	155
Греховодное	157
Лавровый венок	159
Берегите всех ваших врагов	160
Одиночество	161
Калимба де Луна	163
Кофе в обнимку	165
Ты, Россия моя	166
Оркестр	181
Я письма пишу никому в никуда	182
Сантехническое	183
Сантехническое – 1	185
Сеновал	187
Веселуха	188
Улица Цветочная	189
Песня	191

Не тоскуй	193
Кавказская история	194
Конура	198
Краски	199
Милый шалаш	200
Время дождей	201
Неслучайно случайная встреча	202
Booker	203
Сказки Востока	205
Селенга́	206
Талисман	207
В пути	208
Capitanstory	209
Весна	211
Конец ознакомительного фрагмента.	212

**Я вас поглажу
мягкой лапой
Сборник стихов
Олег Васильевич
Северюхин**

© Олег Васильевич Северюхин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Я вас поглажу мягкой лапой

Я открываю тихо дверь
В обитель тайн и суеверий,
Там проживает дикий зверь,
Ко мне приехавший из прерий.

Мы с ним меняемся местами
Порой ночной и в полнолуние,
И кто сегодня рядом с вами,
Известно только лишь колдунье.

Я вас поглажу мягкой лапой
И промурчу вам комплименты,
И подарю девчонке слабой
Любви приятные моменты.

Проснетесь вы в постели смятой,
Храня моих усов касанья,
И на дворе уж час десятый,
А вы прикрыты легкой тканью.

Вставайте быстро, все забудьте,
Чего же ночью не приснится,
О встрече нашей в Книге судеб
Есть запись на седьмой странице.

«Мне природа была вместо няни...»

Мне природа была вместо няни,
На базарах я пел куплеты,
Говорят, что из горькой пьяни
Вырастают у нас поэты.

Да, я пью, и с друзьями, и в меру,
Да, я дрался в кабацком дыму,
Но я дрался за русскую веру
И за что-то еще, не пойму.

Только утром в глухое похмелье
Просыпался с подругой другой,
Кто же сыпал в вино мое зелье,
Почему я в постели нагой?

Знаю, музу прислали в награду,
Видно, страсти им мало в стихах,
Дайте кислого мне винограда,
Я покаюсь в грядущих грехах.

А пока разбужу свою деву,
Словно меч ее черная бровь,
Ублажу я свою королеву,

Разгоню загустевшую кровь.

Дама у камина

В гостиной темной у камина
Сидела в кресле дама пик,
Над ней святая Магдалина
Держала ножницы в постриг.

Пришла пора невестой Бога
В келейке скромной проживать,
Ничто не кажется так много,
Когда с тобой играет страсть.

Я попросил сестру смиренно
Закончить с дамой разговор,
Она ушла от нас степенно
Смотреть картины в коридор.

А мы остались с дамой в зале,
На стенах отблески огня,
И как рубин сверкал в бокале
Остаток нынешнего дня.

Зачем ко мне явился, Германн,
Мне неизвестны тайны карт,
В угоду нынешним модернам
Нечестный может быть богат.

И что такое слово чести
В эпоху злого чистогана,
Когда витает запах мести
И веселит всех блеск «нагана».

Я прожила на свете много
И я узнала в жизни радость,
Но от мальчишки крепостного
Народу будет только гадость.

Ты не буди воспоминаний
Мазурки вольной при свечах,
И нежных слов навек прощаний
И блеска слез в моих очах.

Прошла любовь моя неслышно,
Как нежный ветер поутру,
Мне было послано Всевышним
Желанье прибыть ко двору

Помочь на ниве просвещения,
Отдать тепло другим сердцам,
И, может, в качестве прощенья
Лишь иногда по вечерам

Приду к тебе неясной тенью,
Устроюсь в кресле у окна,
И о любви стихотворенью

Свой восхищенья дам я знак.

Ты отпусти меня на волю,
Скажи – ты больше не нужна,
И можешь вскачь нестись по полю,
Моя любезная княжна.

Я даме тихо улыбнулся,
Взял со стола кривой кинжал,
И нашей кровью захлебнулся
С вином недопитый бокал.

Бал в офицерском Собрании

На бал спешу, как на свидание,
Пойдем мы с Вами в менюэте,
И знает офицерское собрание
О нашем чувственном секрете.

Судьба нас сводит ежедневно,
То мы гуляем в старом парке,
В манерах с Вами мы примерны,
Но мне от Ваших взглядов жарко.

Сегодня я пойду в атаку,
Скажу, что очень в Вас влюблен,
Есть реверс и живу в достатке,
И звездочка украсит мой погон.

И Ваш отец, советник статский,
Сам был когда-то капитаном,
Возможно, скажет он по-братски,
Что наша жизнь прекрасна в главном:

Любить и дорожить любовью
К жене, детишкам и стране-России,
Их защищать и даже кровью,
Чтобы они на свете жили.

Приду я завтра к Вам с визитом,
Мундир надену с орденами,
И Вам колечко с аметистом,
Чтобы удача была с нами.

Пусть завтра это будет завтра,
Сегодня мы летаем в танце,
Мы, как артисты из театра,
И лица наши все в румянце.

Календарь

Идет жизнь
День за днем,
Вот календарь,
Записано в нем:
День недели,
Долгота дня,
Восход и заход,
Приход и расход,
Фаза луны,
Событие века,
Телефон дамы,
Росчерк пера,
И обрез листа.
Завтра будет
Новый день,
Те же надписи,
Те же записи,
Будет теплее
Или холоднее,
Но живой я,
И решаю я,
Жить спокойно,
Хлеб жевать,
Или на финиш

Силы рвать.

Жизнь «на авось»

Каждый день начинается утром
На восходе большого нуля,
Мы с тобой одеваемся шустро
Как весной во дворе тополя.

Нам ночами спокойно не спится,
Эта жизнь, – так судьбе говоря, —
Вдруг согнется вязальной спицей,
Закрывая нам путь на моря.

Между нами сверхтонкая нитка,
Что крепка, как пеньковый канат,
На столе «Поздравляю» открытка
И махровый на теле халат.

Ежедневно с утра просыпаясь,
Нанизую свой нулик на гвоздь,
И в окно на простор вырываясь,
Отпускаю я жизнь «на авось».

Корнет

В гусарах трудно быть корнетом,
Не все зависит от красы,
Улыбки дамочек с лорнетом
И не растут пока усы.

И нет войны для честной славы,
Но льется реками вино,
Качались храмы златоглавы
И дамы в красных кимоно.

А по утрам езда в манеже,
Вольтижировка, рубка лоз,
Никто не скажет, что ты нежен,
Но сколько льется ночью слез

У дев, обиженных вниманьем,
У них потом наступит время,
И пусть посмотрят утром ранним
На сапожок, входящий в стремя.

Пройдут года и капитаном
Войду с визитом я в ваш дом,
Напомнит кивер мой с султаном
Об офицере молодом.

Лейла

В краю далеком и враждебном,
Где злобен даже детский взгляд,
Пылает мак огнем безбрежным
И источает чистый яд

Увидел девушку-былинку
На улице большого кишлака,
Как на ветру пустынь песчинку,
Которую повсюду я искал.

Ее отец – пуштун суровый,
Жену ласкает, как кинжал,
Он не любитель пустословий
И сразу прямо мне сказал:

Джигит ты храбрый, это верно,
Но по рождению ты – гяур,
А человек я суеверный
Ищу совета тех, кто мудр.

И говорит седая мудрость,
Проходит ослепленье красоты,
За темной ночью наступает утро,
Проснутся те, чьи помыслы чисты.

Готов ли ты к такому испытанию,
Моя Лейла тобой больна,
Не кончится ли все суровой казнью,
Прелюбодей, она – неверная жена.

Готов ли ты к большому искушенью,
Еда в руках, но есть нельзя,
И наступило ль очищенье
Покажут синие глаза.

Готов за Лейлу я хоть в битву,
Но верой я не поступлюсь,
Христу читаю я молитву,
Такой упорный я урус.

Блестят огнем глаза пуштуна,
Ярка на четках бирюза,
И сильно пальцем бьет по струнам
И плачет бедная кобза.

Я раньше был не чужд порока,
И я шутил, играл с огнем,
Сейчас же дочерью Пророка
Я без сражения пленен.

В тени сидит мой победитель,
На нас боится бросить взгляд,
Ушла бы в женскую обитель,

Не знай, что люди говорят.

К исходу дня на минарете
Запел молитву муэдзин,
Ну, как удержишь все в секрете,
Когда гяур совсем один.

Все ждали молча продолженья,
Старик-пуштун у них в чести,
Он побеждал во всех сраженьях
И вправе жертву принести

Во имя дочери любимой,
Во имя пламенной любви,
И относился он терпимо
Ко мне, пока еще я жив.

В пустынном доме тихой ночью
Закрыты с Лейлой мы одни,
Собаки взвыли вдруг по-волчьи
И вдалеке горят огни.

Я к ней не смею прикоснуться,
Тогда с собой не справлюсь я,
И не придется мне проснуться,
И не придется нам гулять

Под звездным небом Кандагара
В тени фисташковых аллей,

Не буду темным от загара,
А буду розы я алей.

Давай, стихи я почитаю
О дивной родине моей,
У нас сейчас сосульки тают,
У лужи хитрый воробей

Поет веселые частушки,
К себе сзывает воробьих,
Года считают нам кукушки,
Как стопку веточек сухих,

Что сразу в печке прогорают
Почти без запаха и дыма,
И ветер золу разбросает,
Прибив ее дождем косым.

Я пел ей песни до рассвета,
Как был на почте ямщиком,
И снова голос с минарета
Призвал к молитве босиком.

Мы вышли с Лейлой рано утром,
Своей ее закрыл спиной,
Смотрели люди очень хмуро:
Гяур идет с своей женой.

На свадьбе люди веселились,

Любовь не ведает границ,
И наши гости не напились,
В гостях терять не надо лиц.

Мы породнили два народа,
Холодный север, пылкий юг,
Нам подсказала все природа
В стихах пустыни, песнях выюг.

О том как жили мы подробно
Расскажет пляски нашей стук,
Собою хвастать неудобно
Скажу я вам начистоту.

Вы Лейлу видели сегодня,
Ей и сейчас семнадцать лет,
Она у нас одета модно,
Прадед-пуштун ей дал секрет.

Мне ночь не нравится

Мне ночь не нравится,
Она без звука несет в себе людей,
Как будто речкою струится
По тонким тропкам заводов.

И яркий свет убрать не может
Для всех налитой черноты
Она и в душах, липнет к коже,
Меняет чувства и черты.

И так мы ждем всегда рассвета,
Стремясь увидеть вновь себя,
И первый встречный с сигаретой
Вдруг улыбнется вам любя.

Проснемся мы с тобой под утро

Свеча сгорела поздно ночью,
Потух светящийся бокал,
Во тьме горели чьи-то очи
И продолжался чудный бал.

Мы полетели в вихре вальса
Туда, к далеким небесам,
Тебя держал за кончик пальца
И прикасался к волосам,

Что развевались в лунном свете
Огромной белою фатой,
И ты кружилась, как в балете,
И я был зритель не простой.

Я предложил полеты к звездам,
Как только будем мы вдвоем,
Наш мир и нами будет создан,
Ему хвалу мы пропоем.

Проснемся мы с тобой под утро,
Несут и кофе нам в постель,
Всегда мы поступаем мудро,
Ложась вдвоем, мадмуазель.

Жила на свете сеньорита

Жила на свете сеньорита,
С губами алыми, как роза,
Ее все звали Маргарита.
Всегда нежнее абрикоса,

На щечках солнца поцелуи,
В глазах играющий чертенок
Под звуки нежной «аллилуйи»,
Но все равно еще ребенок,

Когда в толпе ее увидел.
С дуэньей шла она к обедне,
И шли за нею, словно в свите,
Три дона, лишние на сцене.

И мой клинок, быстрее мысли,
Сверкнул, как молния в грозу,
И величавость сразу смыли
Удары шпаг и боль в глазу:

Кусочек стали в глаз попал.
Я дрался яро, безрассудно,
Но был убит я наповал,
И помню как-то очень смутно,

Что кто-то лоб мой целовал,
Слезами щеки орошая,
Достав из ножен мой кинжал.
Вот Маргарита дорогая

Со мною под руку идет,
У нас в раю любовь большая,
Нам песню славы хор поет,
И нас ласкает ветер мая.

Сорок первый

Облетают последние листья
И уходит из женщин тепло,
О тебе мне поет желтый листик
И из глаз что-то вдруг потекло.

Для меня перекрасились дамы
В сорок восемь различных цветов,
Каждый день я их вижу в рекламе,
Не сказал бы, что мне повезло.

Ты весной была черною стервой
И светлеешь тихонько к зиме,
У тебя я всего сорок первый,
Подглядел я в твоём резюме.

Дождливая среда

Позабыл я вдруг адрес радистки,
Мы же в среду выходим в эфир,
Дождик каплет с утра серебристый
И войну поменял он на мир.

Мне сейчас «два пса» не хватает,
Хлебануть бы стопарик под дождь,
На углу ты меня поджидаешь
И подносишь рукой к горлу нож.

Может, двери сейчас распахнутся,
Встретит зайчик с морковкой в руке,
И зверьки все твои улыбнутся,
И замкнет что-то там в ночнике.

Мы с тобой отстучим телеграмму,
Так и так, не кончается дождь,
Мы со всеми войну прекращаем,
Ты, разведка, уж нас не тревожь.

Устал от жизни беспробудной

Устал от жизни беспробудной,
Все те же сцены, тот же сон,
И режиссер ужасно нудный,
И рвет пластинку граммофон.

А ночь нарочно не приходит,
Манит закатом и луной,
И мчатся в море пароходы,
И капитан идет за мной.

А как скучна ночная вахта,
И имя ей – собачий час,
Далекий слышен звон набата
И ходят беды возле нас.

Течет песком немое время,
И пуст бокал молодой любви,
А на седле ржавеет стремя
И сахар лести ядовит.

Возможно, я не в этой книге,
Ошибся полкой и был пьян,
Я дома на пиратском бриге,
И прошлое сплошной бурьян.

Василёк

Я завидую честно людям,
Что умеют на скрипке играть,
И летаю на нотах прелюдий,
Что как рифмы ложатся в тетрадь.

Не дано мне писать увертюры
И людей уносить в миражи,
Я стихи напишу вам с натуры
И цветок посажу у межи.

Будет он василькового цвета,
Будет имя ему Василёк,
Он ребенок небесного света
И упрям, как любой паренёк.

И в него все влюбляются сразу,
И певцы, и герои кино,
Никому он не сделал отказа
И не пил за знакомство вино.

Можно, я вам скажу по секрету,
Эту тайну не знают друзья,
Я гуляю по белому свету
И цветок-василёк – это я!

Нас подружил весенний вальс

Нас подружил весенний вальс
На бале в Доме офицеров,
Светился зал в сиянье глаз
И в лицах бравых кавалеров.

Стояли тихо вы в сторонке,
Без вас кружился полный зал,
Меня тянуло к незнакомке,
Я, как и вы, не танцевал.

И вы глядели мне навстречу,
Не зная, к вам ли я иду,
Я знал, что вас сегодня встречу,
На счастье или на беду.

Вы были просто балериной,
Легко вас вел, как в сотый раз,
Нас веселили викториной,
Но я смотрел только на вас.

Мы шли по городу ночному,
Читал стихи я о любви,
Тебя найду я завтра дома,
Ты ничего не говори.

Гарем

Я мозгую над сложной проблемой,
Чей массаж мне полезней всего,
То ль блондинки с прическою нежной,
Иль брюнетки с косой в колесо.

Растечется по телу блондинка,
Пальцы нежны и ласковой губ,
Вот такая выходит картинка —
Солнца луч и развесистый дуб.

Завладеет тобою брюнетка,
Полонит, будто в рабство отдаст,
Но такая, скажу вам, конфетка
Только силы больному придаст.

Человек по натуре я скромный,
Больше пуза, конечно, не съем,
Обнимаю собой мир огромный,
Берегу разноцветный гарем.

Баргузин

Вода на Байкале совсем студена,
Прозрачней алмаза – там видно до дна,
И Космос в глубинах всю силу хранит,
То знает на скалах угрюмый гранит.

Всех манит богатство и солнечный штиль
И водная гладь на четыреста миль,
А если за водкой пойти в магазин,
То встретит вас пьяный мужик Баргузин.

Как хорошо жить безмятежно

Как хорошо жить безмятежно,
Сидеть в шезлонге у прибоя,
И чтобы был простор безбрежный,
И если ветер, то без воя.

И чтобы все несли цветочки
К ногам наивной сельской дамы,
Что с каждым новым лепесточком
Уже рисует в сердце драму

Любви француза-гувернанта
К хозяйке милого имения,
И ревность мужа-лейтенанта,
И их дуэль на воскресенье.

Как тихо плакали все дамы,
Уткнув носы свои в платочки,
Что их любовник это самый
Поэт печальный и в две строчки

Напишет вам в альбом стишок,
Что вы как ангел полуночный,
Что он без вас и жить не мог,
А лейтенант стреляет точно.

Француз убит, лежит у ног,
Шепча о том, что песня спета,
И что вчера никак не смог
В романс тебе найти куплета

О нашей жизни безмятежной
Под шум ленивого прибоя,
И что вокруг простор безбрежный,
И тихий ветер нам не воеет.

Когда нагрянет в гости дама

Читая книгу своей жизни,
Не можешь забежать вперед,
Все эти книги рукописны
О том, что все проистечет.

Нет в книге этой оглавления,
И нет количества страниц,
И только мастер Провиденья
По телефону может позвонить.

Или нагрянет в гости дама,
В плаще от Гуччи и с косой,
Когда в разгаре самом баня
И в простыне сидишь босой.

Ты ей покажешь свою книгу,
Смотри, еще не дочитал,
Мол, завязал одну интригу,
Пока не виден мой причал,

Где бриг готовится к походу
К далеким счастья берегам,
Берем с собой из дома воду,
И песни распеваем по слогам

О прелестях Любви и Надежды,
О Вере и об алых парусах,
Наденем мы пиратские одежды
И стрелки сдвинем на часах.

Мы в трюм забросим эту книгу,
Что было – нечего читать,
Пойдем с красавицей в обнимку
По верхней палубе гулять.

Дамское

Катился май и цвел шиповник,
В цветах каштана жизнь моя
Была как ландыш и любовник
Уехал в дальние края.

Любовь казалась такой вечной,
Нет ни начала, ни конца,
Я оказалась первой встречной
С рукой простою, без кольца.

И он с размаху предложил мне
Любовь и сердце – два в одном,
И будет общим портмоне,
И дым над свадебным костром.

Он растворился на рассвете,
Открыв все двери и замки,
Ну, где же есть любовь на свете
И мужики так мужики.

Давно мне что-то не поется

Давно мне что-то не поется,
Покрылся пылью мой баян,
А сердце все куда-то рвется,
И сам по жизни я буян.

С утра сегодня воскресенье
И нет несбывшихся желаний,
Ушло куда-то вдохновенье
И темы нет для воспеваний.

Но вот захлопал малый парус
И зашипел задира «вест»,
Для состязанья выбрал пару,
И на тебя силенка есть!

Шуми, играйся с моей яхтой,
Я все равно поймаю галс,
И с ветром силой необъятной
Услышишь мой веселый глас.

Давно такой я жаждал я бури,
И я от волн немножко пьян,
Давай немножко, друг, покурим,
Цвет у заката уж багрян.

То лишь начало приключений,
Мы полетаем по волнам,
Увидим много откровений,
Что недоступны мудрецам.

Там впереди за мысом гавань,
Там тишина, уют, покой,
И полумрак закрытых ставень,
И человек лежит больной.

В какую сторону помчимся?
Давай, не глядя, выбирай,
С тобой мы точно усмиримся,
Когда приедем вместе в рай.

Помню шампанского дождь

Я помню
Шампанского дождь,
Снег из цветов,
И белую розу на фраке.
К «Запорожцу»
Подошел джентльмен
С хрустальным
Пустым бокалом.
Постукал по крыше:
«Споем и дружно
Бокалы поднимем»,
А мы лежали вдвоем,
И нам был никто
Не нужен.

«Я помню, как быстро...»

Я помню, как быстро
Летели года,
Как стрелы
В пустые мишени,
И наш «Запорожец»
Старел, как и мы,
Навсегда,
И помню цветов
Аромат осенний.
Мы были в машине
Близки,
И так далеко
В постели,
Мы пели вполголоса,
А кто-то по крыше
Стучал:
«Езжайте домой,
Вы остались одни,
Давно уже все
Уехали».

Мой старый с мезонином дом

Мой старый с мезонином дом
Открыт для всех, бокал с вином
Уже наполнен, огненный рубин,
Как показатель самых лучших вин,
Ждет гостя на столе, и яркая свеча
Всю ночь горит и просит помолчать
Минутку, чтобы понять – серьезно всё,
А, может, превратить всё в шутку?

Гадание

Я один ворожил в воскресенье,
На дворе наступил Новый год,
Испытал я в ту ночь потрясенье:
Мне явился колдун Лю Миньго.

В лисьей шапке и в красном халате
Он возник и присел за мой стол:
Не скучай этой ночью, солдатик,
Ты налей-как мне водки грамм сто.

Слово за слово, сдвинув стаканы,
Он мне мой гороскоп рисовал,
Выйдет так, что издам я романы
И стихи, что недавно писал.

А свинья – это вроде копилки,
Сохранит все, что накопишь за год,
Может, все превратится в опилки
Или скопится пачка банкнот.

В царство Цинь был всегда казначеем, —
Говорил мне колдун Лю Миньго, —
Вел учет я доходам, трофеям,
Что свозились ко мне каждый год.

Привезли мне однажды две книги,
Их писали Хайям с Рудаки,
Я бы продал себя за любовные миги,
Счастье в деньгах найдут дураки.

Не люби продающихся женщин,
Ни за деньги, поход в ресторан,
Не носи ей шикарные вещи,
Не давай ей глядеть в свой карман.

Мы с ним долго еще говорили
Про политику, Дальний Восток,
Как цари своих подданных брили,
У кого и какой потолок.

Как допили последнюю чарку,
Так исчез и колдун Лю Миньго,
Вмиг исчезли волшебные чары
И подумалось, кто же был кто?

Он со мной говорил по-китайски,
По-китайски и я отвечал,
В первой жизни и я был китайцем
И в Пекине Лю Миня встречал.

Вот ведь жизнь нас куда разбросала,
Разделяют нас с ним зеркала,
Мы не помним у жизни начала

И не знаем, где наша скала,

Что стоит, как трамплин на дороге,

И с нее то ли вверх, то ли вниз,

И уходят навеки тревоги

За издание написанных книг.

Головная боль

Постоянно болит голова,
Покоя ни днем, ни ночью,
Смешались в обрывки слова,
Картинки порвались в клочья.

Вокруг улыбаются лица,
И солнце приносит им радость,
Оно и по мне струится,
Стираю платком эту гадость.

Все люди привыкли к боли,
Сказали – и я привыкну,
Как только я выйду на волю
И я вам об этом крикну.

Образцовые гусары

Гусаров, право, образцовых
Я в жизни буйной не встречал,
Быть может, вы из этих, новых,
Что ходят трезвыми на бал,

Что крутят ножкой в менюэте,
На мизер падают с тузом
И любят девочек в балете,
Глядят на всё одним глазком,

Как будто вечер был заснежен,
Стояли лошади в кругу,
А дамы с веером в манеже
В окно смотрели на пургу.

И верх над дамой не победа,
А просто сущяя беда,
Не будет дрёмы до обеда,
Не будет вкусная еда,

Когда садишься утром рано
С руками чистыми за стол
И слышишь женщины сопрано,
И плюнуть некуда на пол.

Поверьте, в жизни у гусаров
Проблем, не видно им конца,
Никто не пишет мемуаров,
А шлют за водкою гонца.

Храм на берегу реки

Собор построен у дороги,
Участок, аптекарня, базар,
Идут во храм людские ноги
За упокой, здоровье и навар.

Там колокол в седом раздумье
Ведет негромкий разговор,
Ему вторят певцы латуни,
Металлов разных на подбор.

Он говорит о грозных сечах,
Вот здесь, в изгибах Иртыша,
Об интересных личных встречах,
Тех, что запомнила душа.

О войнах, землю сотрясавших,
Когда сражались брат на брат,
И помнит свет в Москве пожарищ,
Когда врагом был город взят.

Вот и сейчас речет с укором,
Что позабыт духовный мир,
Что деньги встали над законом
И заправляют дикий пир.

Сосуды будут сообщаться,
Богатство, бедность – общий мир.
Как надо к Богу приобщаться,
Пусть лучше думает банкир.

Японские стихи

Не люблю я японское суши,
И романтики нет в харакири,
И язык неприятно мне слушать,
И сидеть из картона в квартире.

Мы сейчас подражаем японцам,
Что-то ищем себе в дзен-буддизме,
Мы уже поклонялись Солнцу
И себя истязали в марксизме.

Мы не пишем стихи по-немецки,
Гёте тоже не брался за русский,
Но в руках мы держали нецке,
Пили чай на коленках вприкуску.

Не читают японцы хокку,
Что написаны где-то в России,
И без суши прочистят глотки,
Чтобы им острова возвратили.

Мы всегда подражаем кому-то,
Все культуры своей чуждаясь,
Мы уже научились чему-то,
Потихоньку в себе возрождаясь.

Два самурая

Где-то в преддверии рая
Встретились два самурая.
Молоды оба, еще горячи,
Сразу скрестили друг с другом мечи.
Оба из школы сенсея Мусаси,
Оба учились в «хейко-до» классе.
Словно два друга сошлись на попойке,
Выпьют сакэ и улягутся в койки.
Оба учили «Пути всех профессий»,
Оба отличники всех школьных сессий.
Их фехтованье как «птиц пирует»,
Воинов лучше в Японии нет.
Кто из них лучший, не найден ответ,
Меч, хоть и острый, не даст им совет.
Вышел апостол с ключами от рая,
Кто за Японию здесь умирает?
Стало вдруг стыдно небесным бойцам,
Мы лишь пришли поклониться отцам.
И мы погибли в неравном бою,
Но защитили деревню свою.
Сдайте мечи, их нельзя носить в рае,
В рай не пойдем, мы – самурай!

Я умру от пронзительных глаз

Я умру от пронзительных глаз,
Что встречают меня каждый раз,
Стоит мне лишь куда-то пойти,
Неотлучно они на пути.

Посетил я друзей-докторов,
Все в порядке, я жив и здоров,
Но шепнул окулист, – в роговице
Вижу древней религии жрицу.

Эти жрицы красивы, как небо,
Эти жрицы податливей хлеба,
Эти жрицы страстны, как вулкан,
Сладким медом обмазан капкан.

Мне по нраву такое моление,
Дикой крови живое волнение,
И ловушка – большой достархан,
Оплетут по рукам и ногам?

Будь что будет, готов ко всему,
Пусть заманят меня на кошму,
Чтоб горячей любовью убить,
Расплетя до конца жизни нить.

Мой знакомый кардиолог

До Самары путь долог,
Надо ехать на Волгу,
И там живет кардиолог,
Верный врачебному долгу.

В Самаре губернатор Титов,
Известный всем сердцеед,
В Волге разводит китов,
И осетров больше не ест.

В Самаре гречанка Таис,
Знакомая Джона Голсуорси,
Все говорят ей «кис-кис»,
Расточая вокруг восторги.

Иногда она закрывает глаза,
Как нормальная женщина,
Иногда в глазах бывает слеза,
Если в делах трещина.

Не близкая землячка Ленина,
Не героиня мировой революции,
Но миру станет известна
Синтетическая теория эволюции.

Коптилка

При свете маленькой коптилки
Вставала утром вся семья,
В углу иконы темнолики,
Пять мужиков и мальчик – я.

Чего ж мы баб-то не считали,
На них держался дедов дом,
Полы скобленные сверкали,
Скотина, огород, и все бегом.

Зато как весело все пели,
На зов сходилась молодежь
И долго были слышны трели
Пяти гармошек там, где рожь.

Домой все возвращались на рассвете,
Глаза закрыл – уже вставай,
Душа объятием согрета
И шепот тихий – ну, давай.

Промчалось быстро это лето,
Покос, уборка, первый снег,
Читал недавно я про это
В теньке у дома на бревне.

Красавица-крестьянка

Сани быстро пролетели
Незнакомый хуторок,
Новогодние метели
Не оставили дорог.

Солнце спряталось за тучи
И закончился денек,
Поворачивай-ка, кучер,
В дом, где светит огонек.

Заночуем в этом доме,
Тянет всех зимой к теплу,
На перину из соломы
И сверчок поет в углу.

Вот тесовые ворота,
Справа вход, залаял пес,
Мужской голос со хрипотой:
Что за гостя Бог принес?

Открывай, хозяин, двери,
Из Москвы я, лейб-гусар,
Не доехал я до Твери,
Путь не видно, конь устал.

В чистой горнице уютно,
На божнице Спаса лик,
Пахнет щами, очень вкусно,
От порога – половик.

Из-за яркой занавески
Вышла девушка-краса,
На ушах блестят подвески
И до пояса коса.

Чарку с водкой мне выносит,
На закуску – огурец,
На поднос кладу целковый,
Улыбается отец.

Стол накрыли как на праздник,
Каша, щи, грибы и мед,
Труд крестьянина не праздный,
Знает день, что кормит год.

Звать хозяина Прокофий,
Дочку Аннушкой зовут,
Извините, барин, кофий
В доме нашем не дают.

Самовар запел нам песню
Про далекие края,
Мне в мундире стало тесно,

Где ты, трубочка моя?

За степенным разговором
Я узнал про урожай,
Что Прокофий с дочкой, вдовый,
Да и жизнь в глуши не рай.

Проезжал недавно Пушкин,
Что-то в книжечку писал,
Дочке дал сережки в ушки,
А недавно услышал,

Что издал писатель повесть
О гусаре молодом,
От любви забыл он совесть
И увез в господский дом

Раскрасавицу-крестьянку,
Бросив батьку бобылем...
Ложись, барин, на лежанку,
Завтра в Тверь тебя свезем.

Утром выехал я рано,
Светит полная луна,
На груди болела рана
И душа любви полна.

Кочевник-кумли

У дороги старик,
Старый ватный халат,
Все от солнца горит
И в руке пиала.

Рядом дети играют в пыли,
Видно в гости приехал кочевник-кумли.
Сын текинский ковер расстелил
И соседи с собой, кто что мог, принесли.

Эй, начальник-урус,
Выпей с нами кок-чай,
Уважаем мы Русь,
Ты по ней не скучай.

Я попил с ними чай
И сказал им – рахмат,
Старика я встречал,
Ехал он в Ашхабад.

Лора

В «Детском мире» сплошная стрельба,
С автоматом девчонка трех лет,
И в парадном мундире стоит лейтенант,
Улыбается людям в ответ.

Может, купим мы куклу, как все,
На заставе с ней будешь играть,
Пап, купи автомат мне такой, как у всех,
Мне границу идти охранять.

Вот девчонка, приходит всегда на расчет,
Провожает, встречает наряды,
По «тревоге» всех раньше встает,
Трудно будет на базе в отряде.

В школе сельской везде командир,
Если надо, пройдетесь и матом,
Ей военный по нраву мундир
И мужчины, такие как папа.

Вперед, в атаку, гренадеры!

На свете есть Любви наука,
Где есть немало разных правил,
Любовь не детская игрушка,
Которую в песочнице оставил.

Урок Любви дает нам Казанова,
Всех женщин любит он подряд,
И хоть он сильно избалован,
О нем с восторгом говорят.

Другой учитель Дон Хуан,
Филуменист, играющий с огнем,
В Любви, он скажем, не профан,
Вздыхают женщины о нем.

А третий – Пушкин Александр,
Он за Любовь пошел к барьеру,
Как будто в фильме кинокадр,
Так нужно делать кавалеру.

Вот три кита, а формула одна,
Влюбляйся и люби без меры,
Любовь опасна, как война,
Вперед, в атаку, гренадеры!

Лунатик

Ходил лунатик на свиданья
По крышам к женщине одной,
Не говорил он до свиданья
Ни летом, осенью, весной.

Он просто спал и шел по крыше,
Затем спускался на балкон
Он говорил и сам все слышал,
И был в ту женщину влюблен.

Об этом знали все соседи,
Вздыхали женщины в ночи,
И вот решили эти леди
К себе мужчину приучить.

С балконов толстые канаты
Легко на крышу протянуть,
Но что же сделать, чтоб лунатик
Мог к ним на вечер заглянуть.

Лунатик даже по канату
Пройдет, не глядя на людей,
Он знает «Лунную сонату»
И танец «Белых лебедей».

Он молчалив и музыкален,
Ему дана большая власть,
Страсть распахнет запоры спален,
Чтоб получить от встречи сладость.

И были дамы те в печали,
Шел мимо странник по любви,
С балконов женщины кричали:
Мы здесь, любовницы твои!

Лунатик вздрогнул и упал,
Он не достался никому,
На мостовой в ночи лежал,
Не видя полную луну.

Любовь не терпит громких слов,
И ей нельзя ни с кем делиться,
Нельзя лишать влюбленных снов
И пейте чай, когда не спится.

А ты кусала марципан

Бурун клубился за кормою,
Стоял у рубки капитан,
Он очарован был тобою,
А ты кусала марципан.

Белы твои, как сахар, зубки,
Алеет роза на губах,
Но прозвучал гудок побудки,
В такую рань ты на ногах.

Даря рассвету страсти ночи,
Кидая радость в небеса,
Душой ты благодарна очень
За вкус шампанского в усах

Как волк седого капитана,
Как песняра в делах любви,
За скрип пружинок у дивана,
И пели где-то соловьи.

Всего лишь час до остановки,
И там стоят твои друзья,
И уходить тебе неловко,
И оставаться здесь нельзя.

В метро в час пик переполох

В метро в час пик переполох,
Дверями девушку зажало,
А рядом парень был неплох,
Хоть без усов и без кинжала.

Он как Геракл раздвинул двери,
На руки деву нежно взял,
И каждый взгляд ему поверил,
Как парень деву обожал.

И в две секунды пролетела
Дорога к дому у нее,
И больше тело не болело,
И было ласковым белье.

Об этом дома на диване,
Отпив из кружки сладкий чай,
В каком-то сладостном тумане
Нам рассказала невзначай.

Одно лишь только омрачает,
Быть может, память подвела
Тот номер ей не отвечает,
Такие, братцы, вот дела.

У этой сказки есть начало,
Но нет у сказочки конца,
Захочешь, дерни сам мочало
Послушать песню молодца.

И эта новость две недели
Мелькала в лентах новостей,
О ней еще «нанайцы» пели
И ей встречали всех гостей.

А телефон потом ответил,
Хозяин просто был в отъезде,
Он эту девушку заметил,
Живет в соседнем с ним подъезде.

Об этой свадьбе много слышал,
Гуляло триста человек,
В пяти домах слетели крыши,
Такого не было вовек.

Потом, однако, оказалось,
Что замуж вышла не она,
Гуляли парни с трех вокзалов,
Торговцы водки и вина.

А наша дама на диване
Пила с какой-то травкой чай,
Потом помылась на ночь в ванне

И улеглась в кровать на край.

Все было тихо, благородно,
К утру затих и улиц шум,
И только где-то за дорогой
Светил огнями старый ГУМ.

Подарит монетка случайное счастье

Подарит монетка случайное счастье
И радости нашей забрызжет фонтан,
А, может, на улице просто ненастье
И капельки грязи прилипли к ногам.

А, может, монетка имеет две решки,
И выбора в жизни твоей уже нет,
И годы твои, как в пакете орешки,
Осталось с десяток непрожитых лет.

А, может, пуститься дорогою тяжелой,
Попробовать все, что еще не видал,
Карман оттопырен коньячною фляжкой
И другом мне станет неспящий вокзал.

Не буду считать я в пути километры,
На север ли ехать, на юг, на восток,
На станции встретят бродячие ветры
И каждому нужен из фляжки глоток.

В краю незнакомом, далеком, холодном
С тоскою я вспомню домашний уют,
Когда-то я был молодым ветрогоном,

Пора и домой, где любимые ждут.

Здесь начало Амура

В закоулках амурской тайги,
Где река изгибается в кольца,
Поздней ночью не видно ни зги
И не слышно вблизи колокольца.

Здесь такие морозы стоят,
Что в стекло превращается сталь,
А на сопках изюбри трубят,
Говоря что-то родичам в даль.

Здесь начало Амура, Якутии юг,
И багульник огнем расцветает,
Здесь товарищ спасает от вьюг
И снега только в мае тают.

Не забыть нам амурских красот,
Здесь наш край, здесь граница России,
Может быть, это раньше был Рай,
Пока льды этих мест не достигли.

Отгоняем нечистую силу

Много в жизни нечистой силы
И вся лезет в открытый карман,
Отгоняет ее, друг мой милый,
Только с водкой граненый стакан.

Когда звякнешь стаканом разик,
Черти сразу к другому бегут,
Будто колокол грянул на праздник
И святые хвалу нам поют.

Будем праздники праздновать реже
И для водки возьмем мы хрусталь,
Ох, скривятся нечистые рожи,
Чистый звон – как булатная сталь.

Русская немка

Стройна. Статна. В хорошем теле.
Едва сдержусь не ущипнуть.
Мои глаза на самом деле
Сейчас ее откроют грудь.

Я знаю, это ей приятно,
Ее улыбка, блеск в глазах,
Давайте встретимся приватно,
Лишь восемь стукнет на часах.

Пошел я в восемь на свиданье,
А место встречи не сказал,
Возможно, это есть прощанье
И место встречи – наш вокзал.

Ее я встретил на перроне,
Без всяких слов поцеловал,
Ее лицо в восьмом вагоне
Я долго взглядом провожал.

А через месяц на почтамте
Письмо в конвертике цветном:
Давай начнем мы жизнь *zusammen*,
Где ты захочешь – все равно.

Темы Омска

тема Сибири трудна, необычна, город, что был
колчаковской столицей,
старым зеленым театром украшен, всюду гуляют веселые
лица,
здесь Достоевский томился в палате, делали танки, как
булки, сторицей,
здесь свиноводство, свинарки в халатах, и по ночам мне
чего-то не спится.

может быть, пушки мои устарели, их и не слышно, знать
мало калибра
или запели везде менестрели, хором сибирским кричат
в мои уши,
я под дождем, как в гигантской купели, люди не любят
такого верлибра,
просто от грохота все отупели, жду вас на площадь стихи
мои слушать.

осень пришла, журавли улетели, листья дорогу мою

устилают,

в каждом листочке четверостишие, дворник метлою
по кучам сгребает.

скоро поблекнут упавшие буквы, станут обычным
от листьев скелетом,

будто летали небесные рыбки, с моря сюда прилетевшие
летом.

ветер сентябрьский опять каруселит, лето пригонит,
весну и зиму,

так по секундам года пролетели, черные кудри спрямив
в седину.

О ведьмах

За светлячком шагал в тайге,
Путей-дорог не разбирая,
Луна за мной шла вдалеке,
Как будто ничего не зная.

И вдруг я вышел на поляну,
На ней стоял красивый дом,
Он весь украшен вензелями,
Объят спокойным нежным сном

И лишь в одном окне светилась
Свеча на маленьком столе
И девушка в обличье милом
Уже сидела на метле.

В воздушном платье с капюшоном
Глядела трепетно в окно,
Шла на свидание с влюбленным
И дверь раскрылась, как в кино.

Она меня не испугалась,
За руку в дом к себе ввела,
И нежно в губы целовала:
В углу стоит твоя метла.

А мне метла, что конь для строя,
Но без седла и без стремян,
Скорей летим, ведь нас же двое,
Я от любви к тебе уж пьян.

Взлетели резко мы над лесом,
Нога к ноге, рука к руке,
И стал я сразу её Бесом,
Манеры сбросив вдалеке.

И что хотел, то я и делал,
Читал стихи, ласкал её,
Хмелел от вкуса ее тела,
Везде бросал ее белье.

Так прилетели мы на праздник,
Минут на пять лишь опоздав,
И дев там много, телом дразнят,
Себя любви большой отдав.

И что там было, не опишешь,
Какой-то в поле фестиваль,
Как будто лес устало дышит
Устами Тань, Ларис и Валь.

Мы ночью столько танцевали,
Что с места сдвинулась Луна,
И по росе мы все купались,

Чтобы прогнать остатки сна.

Домой вернулись мы с рассветом
И с маху бросились в постель,
Проснусь, узнаю с этикетом,
Как же зовут мадмуазель?

Сижу у печки изразцовой

Сижу у печки изразцовой,
А в ней трещат, горят дрова,
В письме подруги чернобровой
Читаю милые слова.

Накинул ментик на рубашку,
Приятен мне от печки жар,
Сегодня дам себе поблажку,
В душе устрою я пожар

Мечтой о встрече в шуме бала,
Полета в вальсе в облаках,
Нам вместе места будет мало
Я унесу вас на руках

В чертоги Евы и Адама,
Я знаю вход в небесный рай,
Откроем дверь, три шага прямо
И будет виден левый край.

Я запишу свои мечтанья
Вчера очиненным пером,
И вам в крещенские гаданья
Явлюсь в тумане голубом.

Я влюбился в полуденный сон

Я влюбился в полуденный сон,
Что пришел ко мне девушкой моря,
Словно легкий прохладный муссон
С обещанием страсти и горя.

Она тихо присела на ложе моё
И рукой прикоснулась к щеке,
Ты скажи, молодец, как же имя твоё,
И не твой ли корабль вдалеке.

Я любимая дочь у морского царя,
И сказала, что ты мой жених,
И придем мы, как вспыхнет заря,
Приготовлен нам трон на двоих.

Нас дельфины домчат до дворца,
Встретит нас мой любимый отец,
У него есть посох в три зубца
И из золота царский венец.

Он подарит тебе мировой океан,
Даст ключи ураганов и бурь,
Мы объездим с тобой много стран,
Добавляя в моря синь-лазурь.

Я поднялся пойти вслед за ней,
Но проснулся, открылись глаза,
Видел тень на воде в темноте
И на грудь чья-то пала слеза.

Прощание

Считал меж нами расстояние
И что-то пел мне стук колес,
Твой поцелуй при расставании
Холодный ветер вдруг унес.

Былое время не вернется,
Случится встреча, но не та,
Пройдешь и даже обернешься,
Не веря в то, смогу ли так

В твоей стране вдруг появиться
В толпе совсем чужих людей,
Представь, что это только снится
В одну из грустных нам ночей.

Скажу – совсем я не Есенин

Скажу – совсем я не Есенин,
В Рязани в жизни не бывал,
Но помню в доме деда сени
И лестницу на мягкий сеновал.

Мне снится милая Россия,
Она, как мама, а, бывает – мать,
У русских всюду ностальгия
И жажда землю целовать.

Поет задорно русская березка,
Как девушка в узорчатом платке,
И со ствола от сока слёзку
Слизнул мужик в суконном армяке.

Мягка у нас трава у леса,
Дрожит всегда осины лист,
И елочка, как юная принцесса,
И дуб, как оперный артист.

Пришли в Россию перемены,
Но неизменна русская душа,
Дождусь и я последней смены,
Пойду домой с работы не спеша.

Прощание с конем

Мой старый конь стоит устало,
Жует овес в своем станке,
Служил в войсках мой конь немало
При неизменном седоке.

Он помнит дрожь перед атакой
И свист клинка над головой,
Затем в загон походкой шаткой,
А ночью слышен волков вой.

Он помнит шумные парады,
Когда гремит оркестров медь,
Овес отборный как в награду
И настроенье – песни петь!

Затем опять идет рутина,
Манеж, направо, рыссыю – марш!
Сюда приходят как картины
Весь дамский свет и шляп плюмаж

Нам будто силы добавляют
И конь с поднятой головой
Орлом пред дамами летает
Или танцует перед той,

Что сводит всадника с ума
Лицом красивым, томными глазами,
А на балах – дерзка, умна,
Но пленена гусарскими усами.

Все это было так давно,
Течет неумолимо наше время,
И конь уйдет мой с табуном,
Последний раз ступаю в стремя.

Прощай, мой старый конь,
Не плачу я, соринка в глаз попала,
К твоим губам я приложил ладонь,
Иди, где наша не пропала?

Я вас поглажу против шерсти

Я вас поглажу против шерсти,
Не выпуская сильно когти,
Я не на вас поставил сети,
Вы не ушибли сильно локти?

Я зверь, невидимый при свете,
И к вам неслышно приду в гости,
Я самый ласковый на свете
И у меня пушистый хвостик.

Хотите, стану я гусаром,
С усами, в ментике с шнурами,
Или в чалме красивым мавром,
Синдбадом с красными штанами.

Хотите, вам приснюсь сегодня,
Часа в четыре, рано утром,
Скажу тихонько: спишь, засоня,
Я не один пришел, с амуром.

Тебя уколёт он стрелой
И улетит обратно в небо,
Меня оставит он с тобой,
Смешав во сне и быль, и небыль.

Дева незнакомая в платье голубом

Дева незнакомая в платье голубом
Плачет безутешно под моим окном.

Кто ее обидел, в чем ее вина,
Почему осталась во дворе одна?

Очень горько плачет девушка в саду,
Я ее за руку в дом к себе веду.

Разожгу в гостиной я большой камин,
В доме в воскресенье я совсем один.

Приглашу я даму к длинному столу,
Будто королеву в гости к королю.

Для стола и скатерть, словно снег бела,
И сидит девчонка, личиком мила.

Я ходил в походы, брал Иерусалим,
И домой вернулся рыцарем седым.

Может, Провиденье за мои труды
Дало мне в награду кустик резеды.

Назову по цвету деву Резедой,
Ох, и обернется это мне бедой.

Меч мой не ржавеет и крепка рука,
Надо донжуанам наломать бока.

Сказочный сон

От усталости на ночь конфетка.
И от грусти из мяты таблетка.
Только сердце мне неподвластно,
То замрёт, то забьётся ужасно.
То в ночи запоёт громко песню,
То заплачет – в груди стало тесно.
Я повсюду искал нам лекарство,
И нашел я волшебное царство,
Там сердца все поют в унисон,
И там жизнь, словно сказочный сон.

Снегопад

Утром падал снег неслышно,
Непривычный в феврале,
И ложился слоём пышным
На изогнутом стекле.

Он мне молодость напомнил,
Тихий вечер, поздний час,
По манежу мчатся кони,
На меня кося свой глаз.

Я не всадник, на свиданье
Я иду в соседний парк,
Снег ложился белой тканью,
Разгоняя ночи мрак.

Но не вышло нашей встречи,
Видно, снег всему виной,
Может, был я первый встречный,
Чтоб смеяться надо мной.

В старом парке очень тихо,
На дорожках ни следа,
Затаилось где-то лихо,
Заманив меня сюда.

На старой пластинке царапины шелк

На старой пластинке царапины шелк
Как будто секунды в огромных часах,
Вот время двенадцать и бархат, и шелк,
И блеск бриллиантов при ярких свечах.

Их говор французский понятен вдруг мне,
И сам я француз, капитан де Тревиль,
А в призрачном парке при ясной луне
Две пары порхают, танцуя кадрили.

Я парень не робкий, но в День всех святых
Хотел бы сидеть за накрытым столом,
И женщины рядом, и в вазах цветы
И с кем, не поймешь, мы шампанское пьем.

Мне крестик нательный поможет найти
Подругу на счастье в телесной плоти,
Под утро разносит петух всем пути,
А кто не успел, так тому и платить.

Свое горе – самое горькое

Свое горе – самое горькое,
Своя боль – всех больней,
Мне нет дела до города Горького
И меня не волнует Бомбей.

Пусть пишу не стихи я, а плачи,
Пусть не складно, а так, как хочу,
Это лишь для меня что-то значит,
Я в стихах своих громко кричу.

Не хочу, чтоб меня пожалели,
Чтобы все причитали со мной,
Чтобы сдвинулись все параллели
И по швам затрещал шар земной.

Я читаю стихи как молитву
И с надеждой гляжу в монитор,
Слышу песни далекой мотивы,
Стук копыт и мелодию шпор.

В любом романе есть Татьяна

В любом романе есть Татьяна,
И для нее есть добрый гений,
Печальный демон без изъяна
С известным именем Евгений.

Татьяне в жизни беззаботной
По нраву быт имений сельских,
Летать ли птицею свободной
Среди лесов, берез карельских.

Что было дальше, всем известно,
О том поведал миру Пушкин,
А наш герой еще ребенок
Ломает на полу игрушки.

Он смог родиться в прошлом веке
В последний день, в последний час,
И все же новым человеком
Мы назовем его сейчас.

Малыш наш русский по рождению
С французским именем Николь,
Неравнодушен он к варенью,
В его руках большой пистоль.

Он станет точно офицером,
А, может, крупный бизнесмен,
Кто будет мальчику примером,
Сказать не можем мы совсем.

Но точно знаем, что покоя
Не будет знать огромный дом,
Забудут, что это такое,
Поскольку вместе мы живем.

А где-то рядом дочка Настя
В восторг приводит пап и мам,
Она сама по жизни счастье
И скоро будет в гости к нам.

Николь и Настя в том романе
Найдут себе свою судьбу,
Об этом в книжечке в кармане
Я чуть попозже напишу.

Тост

Завяжите мне руки рубашкой
И заклейте мне пластырем рот,
Виртуально я буду с рюмашкой
И скажу удивительный тост

Про Сократа, Геракла, Сизифа,
Что в палате со мною лежат,
Про врачиху – ужасная фифа,
На меня не поднимет свой взгляд.

Я нормальный во всех отношениях,
Я танцую, пою и пишу,
Даже в белых своих облачениях
Я совсем ни о чем не прошу.

Знаю, просто никто не поверит,
Что я ночью летаю во сне,
Что я взглядом открою все двери
И на улице выпадет снег.

ЧЕГО-ТО ВДРУГ В КАКОЙ-ТО ГОД

чего-то вдруг в какой-то год
мела поземка и бродила гадость
я прикрывал от зева рот
была в глазах вечерних радость
за поворотом дальним дом
скрипит в дверях моих пружина
деревья голые кругом
и цвета белого машина
в короткой шубке шла она
моей души совсем не слыша
светила ей с небес луна
и на земле лежала крыша
куда ушел в семнадцать лет
чего искал в пути романтик
того мальчишки уже нет
и ходит во дворе лунатик
вся жизнь была как дивный сон
в ней были взлеты и паденья
мы с нею пели в унисон
и каждый день был днем рожденья
я не люблю букет цветов
прекрасна только единица
и аромат твоих духов
мне часто тихой ночью снится

Я люблю считать моих верблюдов

Я люблю считать моих верблюдов,
По ночам, когда совсем не сплю,
Вот урюк на старом медном блюде,
Я со вкусом есть его люблю.

За моей спиной поют барханы,
Мне кальян подаст моя ханум,
Вот в тени сидят седые ханы,
Обсуждая тайны Кара-Кум.

После двух затяжек из кальяна
Мне открылся сладостный Эдем,
Все вокруг покрыто кашей манной,
Я один ее никак не съем.

Я по жизни много где полазил,
Нюхал в городах я жизни дым,
Только лучше всех Европ и Азий
Маленький уютный мой кильдым.

Я молил в обед вчера Аллаха,
Чтоб не слал мне гурий по частям,
Будет целой, и на ней рубаха,
За нее я жизнь свою отдам.

Нет в саду моем цветочков,
В нем живет любимая жена,
Я купил ей сто платочков,
Чтобы быть красивой для меня.

Я люблю считать своих верблюдов,
Словно деньги в пухлом кошельке,
Как фисташки на любимом блюде,
Как красавиц в нашем кишлаке.

Вертолеты

Вертолеты трещат, вертолеты дрожат
И трясет в вертолетах приборы,
Я мешками куда-то в угол зажат,
Мы взлетаем, сметая заборы.

Вертолет наш по метру ползет в высоту
В облаках над хребтами Кавказа,
Здесь орлы не летают лишь мы в пустоту
Улетаем по воле приказа.

Мы могли бы лететь по другому пути,
Но Кавказ весь пылает в огне,
Это Див над людьми лишь слегка пошутил,
Обещая всем счастье в горшке на окне.

Улетел навсегда наш ковер-вертолет,
Пусть живут эти люди, как знают,
Может, дети когда-то предъявят им счет,
В чайхане похлебав с водкой чаю.

Вокзал

На вокзалах больших суета,
Кто-то едет, кого-то встречают,
Кто же гонит людей и туда, и сюда
Посидеть у окна с кружкой чая.

Вот буфет, самовар – метра два,
Словно зеркало, видно все в зале,
Все шумят, говорят и гудит голова,
Отражаясь в блестящем металле.

Я бы тоже с толпой побежал,
На какую мне скажут платформу,
И поехал бы снова к своим рубежам,
Не забыв пограничную форму.

Встреча

Мы лежали с тобой в постели
На исходе дождливого мая,
Где-то птицы в поля полетели
И кино шло о гибели маяя.

На меня ты смотрела с печалью,
Вот я встану, надену одежду,
На столе приготовлено к чаю
Я обратно в Сибирь к себе еду.

Мы, возможно, с тобою не встретимся
В этой жизни на нашей планете,
Только знай, что звезда моя светится
Чуть правее летящей кометы.

Догорает свеча

Догорает свеча,
Наступает рассвет,
Потихоньку пью чай
И в кармане билет.

Я уеду надолго,
Может быть, навсегда,
Меня лечит дорога
И дома-поезда.

Вот сигналит такси,
Не тяжел чемодан,
Я на кухне часы
Отключу словно кран.

Поживешь ты одна
При свободе души,
Мне любые слова
Ты в письме напиши.

Мне его принесет
Проводник поутру,
В нем ковер-самолет
Или то, что не ждут.

Ночной Дозор в Омске

Они – как звезды сериалов,
Красавцы, будто на подбор,
С косичкой доктор Генералов
И сестры – дочери синьор.

Они идут Ночным Дозором,
Спасая жизнь, гоня недуг,
Внизу «Газель» урчит мотором,
Почуяв дальнюю беду.

Я их поздравлю с новым летом
И с неба звезды подарю,
Чтоб реже с мнительным поэтом
Встречали раннюю зарю.

Прости, родная, за границу

Прости, родная, за границу,
Что и живем мы не в раю,
Дом за заставою ютится
В любой деревне на краю.

Пока с тобой мы лейтенанты,
Ты – часть меня, ты – крепкий тыл,
Нам не звонят Кремля куранты,
Но телефон уж зазвонил.

Опять сработка на системе,
А то локатор поймал цель,
И вновь несут сигнал антенны,
И взят лазутчик на прицел.

Я прихожу всегда под утро,
Тихонько, чтоб не разбудить,
Целую пальцы в перламутре
И дочка к папе уж летит.

Меня теплом ты согреваешь,
Я за улыбку в бой готов,
Я на минутку лягу с краю,
Меня разбудишь в семь часов.

Такие нежные минуты
В стихах никак не описать,
Лишь только в молодость вернуться
И по ночам опять не спать.

Девушке с красивыми глазами

К девушке с красивыми глазами
Мчится Принц на розовом коне,
И портрет его закатными лучами
Солнышко рисует на окне.

Может, он прискачет рано утром,
Или ждет какой-то добрый знак,
Или он веселым каламбуром
Созывает нищих и зевак.

Станет на минуту трубадуром,
Чтобы прочь прогнать печаль,
Не сверкнешь улыбки перламутром,
Он опять один ускачет вдаль.

Стерва номер раз

Где берутся зловредные бабы,
Где штампуют их бабское зло,
Может, это у них для забавы,
Или это у них ремесло?

Поглядишь, симпатичная дама,
Макияж, каблучок и овал,
И мозгов на две трети стакана,
И повадками как коновал.

И никто б ничего не заметил,
И была бы у славы в чести,
Только черт ее рангом отметил,
Дал начальничью ношу нести.

И лицо сразу сделалось рожею,
Сквозь людей ясновидящий взгляд,
А когда-то казалась пригожею
И не нужен был яркий наряд.

Верно, Бог там чего недоделал,
Или что-то его отвлекло,
Чтоб змея на людей не шипела,
Посадите ее за стекло.

Номер два

Про мячик, в речку убежавший,
Про стерву с чашкой горьких слез
Писали все, но настоящий
Никто не задал нам вопрос:

Где наша стерва обитает,
В каких краях, в каких чинах,
Играет в мячик иль пинает
Туфлями пыль где-то в Чанах.

А, может, в юбке по колению
Себе обтянет туго зад,
Лицо, как будто у мурены
И в пол упертый злобный взгляд.

У этой стервы нет подружек,
Все – креатура, должники,
За день рожденья много кружек
Поднимут быстро мужики.

Хлебнут, закусят, разойдутся,
Забудут сразу, где кто был,
И как мне хочется вернуться
Туда, где мячик в речке плыл.

Номер три

Я никогда ее не видел,
Она всегда исподтишка
Всем плачет: я ее обидел,
Не посвятив совсем стишка.

Стихи хотела – посвящаю,
Читай их ночью или днем,
Добавить можешь к чашке чая,
Ах, к кофе, чай-то мы не пьем.

Когда представится возможность,
Я поменяю свой маршрут,
Когда же будет мне не сложно,
В глаза тебе тогда взгляну,

Тогда поймешь, что одинокой
Ты обрекаешь жизнь свою,
Ты не родилась однобокой
И не сидела на краю.

И если имя твое спросят,
Все скажут точно в тот же час,
Смеяться сразу люди бросят
И я жалею тоже вас.

Водка

Расскажу вам про сало и водку,
Это вам не шашлык для вина,
После бани не выпьешь ты стопку,
Грипп, простуда, здоровью хана.

Если орден за что-то получишь,
Нужно водкой награду обмыть,
Враз засветит серебряный лучик,
Сразу видно героя страны.

Если сын народится иль дочка,
Это праздник для каждой семьи,
И вина выпивается бочка,
Начинают в обед и кончают к семи.

И любую для дома покупку
Не обмыть за столом – это грех,
Враз порвешь сапоги или куртку
И на шубе повывлезет мех.

И на свадьбе, то дело святое,
На десятом свалиться тосте,
Чтобы счастье жило молодое,
Им с сорокой привет на хвосте.

И поминки проходят как праздник,
То при пляске порвется баян,
И покойник большой был проказник:
Мы потомки больших обезьян.

Так всегда по России ведется,
Где веселие – там питиё,
Будет водка – и повод найдется,
И все горе идет от неё.

Гусарский полк от нас уходит

Стихли звуки от залпов шампанского,
Плачут горько хозяйки квартир,
И не слышно нам хора цыганского,
Не споеет нам лихой командир

О гусарских победах и доблести,
О звезде, что ведет их вперед,
И о службе народу по совести,
И о смерти, что где-то их ждет.

Подходите сюда, девы красные,
Лишь для вас распахнулась душа,
Не волнуйтесь вы, оченьки ясные,
Пусть усы вас мои не страшат.

Мы помчимся сегодня по небу,
Перед нами откроется мир,
Мы вернемся на землю к обеду
И устроим шикарный пир.

Растворюсь я в дыму незаметно,
Поздней ночью, часов после двух,
И пойдут обо мне злые сплетни,
Что все женщины пьют сон-траву,

Ту, что я по весне собираю
Для напитка любовных утех,
Для прогулок с тобою по раю
И общенье со мною как грех.

Может, правы они в чем-то главном,
Что любовь это рай или ад,
И в течении времени плавном
Нам уже не вернуться назад.

Поет на диске Челентано

Поет на диске Челентано,
Давно остыл в стакане чай,
А за окном опять туманно,
Не надо, свет мне не включай.

Пусть будет тихим этот вечер,
На свете двое – я и ты,
Висит на стенке старый веер,
Что помнит давние мечты.

Присядь ко мне сюда на кресло,
А я к тебе прижмусь щекой,
С тобой мы жили интересно,
Совсем не нужен нам покой.

Давай-ка завтра сходим в горы,
Друзья нам сделают шашлык,
Ты помнишь наши разговоры,
Летать хотели, как орлы.

Сейчас совсем не до полетов,
Но рвется ввысь еще душа,
Не сделал в жизни я чего-то,
Похоже, сам себе мешал.

Поет на диске Челентано,
Давно остыл в стакане чай,
А за окном опять туманно,
Не надо, свет мне не включай.

Я чужеземец, марсианин

Люблю я дождик моросящий
И в нем гуляю, как в тумане,
Как будто я не настоящий,
А чужеземец, марсианин.

Везде хожу потупив очи,
Я не железный, вам клянусь,
Как беспокойны ваши ночи,
Как мне опасна ваша Русь.

Боюсь, что заповедь Пророка
Я каждодневно нарушал,
В глазах урусок бес порока,
Его я грешник принимал.

Мне недоступны рая пэри,
Они мне снятся по ночам,
Но я тебе открою двери
И уважение воздам.

Хулиган я – сентябрьский ветер

Хулиган я – сентябрьский ветер
И на улицах полный хозяин,
То я тучу примчу с километр
И листву разброшаю с окраин.

То взлохмачу я волосы женщин,
То заставлю краснеть поцелуем,
И в осенней любви я неспешен,
Мы одни на аллеях танцуем.

Я тебе подарю бабье лето
И украшу его в паутинки,
Я раздену тебя напоследок
И расчищу от листьев тропинки.

Я тебя закружу в старом парке
И раскину персидский ковёр,
Запылают глаза твои ярко
И зажгут нашей страсти костёр.

Не забудем мы раннюю осень,
Ни холодной зимой, ни весной,
Подойду я к тебе ровно в восемь
И мы вместе пойдем домой.

Мне в теплом доме хорошо

В минуты зимней меланхолии
Я печку в доме растоплю,
Устрою вечером застолье
Для тех людей, кого люблю.

Тогда не хватит мне тарелок,
И стол в гостиной небольшой,
Но на душе уж посветлело,
А в теплом доме хорошо.

Друзья мои в далеких странах,
Но есть поблизости сосед,
Она – прекраснейшая дама —
Как я, ужасный домосед.

На стол поставлю два бокала,
Свечу по центру и вино,
Нам на двоих не будет мало,
Луна посветит нам в окно.

Вот от болезни вам таблетка,
Она всегда для вас нужна,
Или прелестница-кокетка,
Или любимая жена.

Встреча в дороге

В душу к тебе я влетел ураганом,
Все переставил с места на место,
Стал приходить на свиданья туманом,
Словно жених к нареченной невесте.

Нам не судьба под одною быть крышей,
В разных краях мы с тобой обитаем,
Часто ночами я голос твой слышу
Там на границе с далеким Китаем.

Мы с тобой встретились как-то в дороге,
В зале вокзала в большом терминале,
Мимо прошла и в глазах нет восторга,
Просто меня ты седым не узнала.

«Мне все равно: читает меня кто-то...»

Мне все равно: читает меня кто-то
Или в кусочки рвет мои стихи,
Проснулся утром, впереди суббота
И я прощаю всем грехи.

В ряду поэтов просто незаметен,
По предкам – русский крестьянин,
Столичным лоском не отмечен,
Я человек, простолюдин.

В учителях был ранний Пушкин,
С Русланом вместе я шагал,
Стреляли при Полтаве пушки,
Дымил заправленный мангал.

Меня не любят модные поэты,
Куда мне с рифмою до них,
Уходят в прошлое сонеты,
Всем заправляет белый стих.

Театр одного актера

Я в театре своем режиссер на полставки,
Сам сценарий пишу и сам роли учу,
За билетом стою среди зрителей в давке,
Выражая восторг, громче всех я кричу.

Но в театре всегда пусто в зале,
Один продан билет и купил его я,
По рядам бродит призрак усталый
Словно ветер в конце сентября.

Я сломал одну стену в театре,
Пусть прохожий возьмет себе роль,
Может песню запеть и сыграть на гитаре
И от счастья любви испытает он боль.

Мой спектакль начался в прошлом веке,
Моя сцена – вся прошлая жизнь,
Расскажу об одном человеке
И о спутниках Ян или Инь.

Надену я плащ с балахоном

Надену я плащ с балахоном,
Чтоб выпить из чаши любви,
Я песнь пропою под балконом
И горлинку брошу – лови!

Я ночью залезу в окошко,
Что делать – такие века,
А где-то играет гармошка
И в такт ей танцует река.

Мы сядем с тобой у камина
В ладонях согреем вино
И пышная ветка жасмина
Украсит твое кимоно.

Я завтра уйду на рассвете,
В тумане затихнут шаги
И снова я стану медведем
В чащобе амурской тайги.

Хрустальные ели

Вдоль дороги хрустальные ели
Нам расставил вчера Дед Мороз
Прилетели к ним сестры-метели
С ледяными гирляндами роз.

За стеклом у меня минус тридцать,
Под машиной хрустит серебро,
Улыбается мне фельдшерица,
И ее тронул бес за ребро.

У нас на Руси благодать

В каждой крупной деревне в Сибири
Есть Париж, Амстердам и Берлин,
Разных храмов по три иль четыре
И искусств меценат армянин.

Здесь в соседях потомки Кучума
И кочевник кайсацкой степи,
Здесь китайцы с капустой без шума
Точат цепи своих бензопил.

Нашу нефть продают на валюту,
Богатеют Москва, Петербург,
А сибирскому бедному люду
Помогать как-то все недосуг.

Производство сменилось торговлей,
Лучший танк в государстве один,
В переплавку – без всяких глаголей,
Сейчас рынок у нас господин.

Снова тонем в болоте застоя,
Власть себя назначает во власть,
Есть сейчас право выслушать стоя,
Что у нас на Руси благодать.

МОТЫЛЬКИ

Летят мотыльки-огонечки
К луне от ночного костра,
Закончились лета денечки
И песни с тобой до утра.

Туманы густы на рассвете,
Уключины в лодке скрипят,
Все вещи уже на корвете,
Товарищи в кубриках спят.

Поднимем мы черное знамя,
Костями гремит «черный джек»,
Фортуна-красавица с нами,
Команда поет в кураже.

Недолго земля нас держала,
Тельняшки бурлили волной,
Натянуты крепкие фалы
И пахнет сибирской сосной.

За год обойдем вокруг света,
В далеких портах погостив,
Добавим мы к песне куплеты
На старый пиратский мотив.

Ностальгия

Вся Россия больна ностальгией,
Вспоминают умильно царя,
Кто террор назовет терапией
И большие в тайге лагеря.

Кто-то горло лечил керосином,
Кто-то улей занес на балкон,
Кто-то лечится лампочкой синей,
Кто-то сиднем сидит у икон.

Кто-то вспомнит икру в магазинах,
Море водки, цена – три рубля,
Продавщица, красавица Зина,
Материлась, ну сущая бля.

Футболисты у нас чемпионы,
Первым в мире был русский хоккей,
Физкультурников шли легионы
И болельщики разных мастей.

Как летали мы первые в космос
И ловили на танцах стилияг,
Под подушками прятали комикс
И в наушники слушали «шляг».

Мы над ними сейчас улыбнемся,
Но и наши промчатся года,
Может, так же и мы соберемся,
Посудачить, чья слаще вода.

Греховодное

Стою, склонившись у лампы,
Монашек вижу, звук «Ламбады»
Меня опять повел к греху
И руки тянутся к стиху.

Рука моя совсем чужая
Мне рюмку тянет вместо чая,
Опять напьюсь сегодня пьян,
А пьяный я всегда буян.

И снова утром громко каюсь,
Иконы лбом своим касаюсь,
Ловлю святого хитрый взгляд,
Он говорил, что водка яд

И беды все идут от страсти,
Любовь подобна дивной сласти,
Мы за нее рычим как львы
И не жалеем головы.

Чего я каждый день влюблен?
Какой гарем, где много жен?
Я скромной жизни образец,
В горах пасу своих овец.

Лавровый венок

На рынке купил я лавровый венок
И сборник стихов там, на книжном развале,
А рядом домашнее лилось вино
Из бочек в огромном подвале.

Я в старом венке всем стихи стал читать,
Поэты там все с орденами,
Собрались по сотне и вирши в печать,
И слава полилась в карманы.

И вдруг я увидел свои там стихи,
Как всем, захотелось мне славы,
А где-то вдали уж кричат петухи,
И критик зовет на расправу.

Берегите всех ваших врагов

Берегите всех ваших врагов,
Что даны, как пути указатель,
Что не пустят в страну дураков
И забудут о праздничной дате.

Враг порхает как бабочка-гад,
Словно моль в гардеробе любом,
Раньше вас он и выпьет ваш яд,
И ваш гроб разобьёт топором.

Раскидает венки по дороге
И засыплет могилу землей,
И пойдут ваши голые ноги
По знакомой тропинке домой.

И поверьте, не все люди гады,
Есть мужчины и есть слово честь,
Будьте им бесконечно вы рады
И он будет навечно ваш весь.

Одиночество

Вот пришло ко мне одиночество,
На ковре моем скромно топчется,
Проходи смелей, составь общество,
Может, лень моя скоро кончится.

Одиночество, одиночество,
Ты без имени и без отчества,
То ли нищее, то ль Высочество,
Мне с тобой поболтать очень хочется.

Я могу тебе почитать стихи,
Можешь мне сказать, что они плохи,
Я тебе расскажу про свои грехи,
Нам с тобой поутру пропоют петухи.

Одиночество, одиночество,
Ты без имени и без отчества,
То ли нищее, то ль Высочество,
Мне с тобой поболтать очень хочется.

Посмотри, вот в ночи огонек,
Рядом тень, там девчонка одна,
Ее дом, как и мой, одиночек,
Она каждую ночь ждет меня у окна.

Калимба де Луна

На палубе брига стоит тишина,
Качает волна наше судно,
И с берега музыка чуть нам слышна,
И голос: Калимба де Луна...

Нам в жизни пиратской две радости есть:
Удача и пир до рассвета,
Есть штука такая – пиратская честь,
Как пуля в стволе пистолета.

Был берег пустынный, нигде ни следа,
Из женщин близка мне Фортуна,
Откуда же музыка к нам донеслась,
И голос: Калимба де Луна...

Нам в жизни пиратской две радости есть:
Удача и пир до рассвета,
Есть штука такая – пиратская честь,
Как пуля в стволе пистолета.

Команда смотрела на берег с тоской,
Вдруг голос: испанская шхуна!
И старый пират с золотой серьгой
Запел нам: Калимба де Луна...

Нам в жизни пиратской две радости есть:
Удача и пир до рассвета,
Есть штука такая – пиратская честь,
Как пуля в стволе пистолета.

Кофе в обнимку

Я пью с тобой в обнимку кофе,
Не нужен сахар – ты сладка,
Закрыв глаза, читаю тебе строфы,
Что прямо из души слетают с языка.

С тобой принесся ветер вдохновения,
Я был поэт в сегодняшней любви,
Был понедельник, стало воскресенье,
С календаря листок сорви.

Как жаль, что это мы забудем
В своих краях в заботе дней,
Намеком я поведал людям,
Что на земле всего важней.

Ты, Россия моя

1

По утрам в России тихо,
Вниз глядит смурной народ,
Это значит, дремлет лихо,
Или в поле где бредет.

Вот несется это лихо,
На всю улицу гармонь,
Отойди-ка, сторожиха,
Выходи, мой конь-огонь.

Разукрашена повозка,
Залихватский громкий свист,
Ты не бойся, черноока,
Тресни в душу, гармонист.

Расступайтесь шире люди,
Воли требует душа,
Боже мой, какие груди,
До чего ж ты хороша!

И пошло у нас веселье,
И стоит стена к стене,
Красной льется акварелью

Кровь по ранней седине.

Отливай плохую юшку,
Дури хватит без вина,
Пропадем и за понюшку,
Жизнь сегодня нам дана.

Обнимаю девку красную,
Так целует горячо,
Под главу ее прекрасную
Подставляю я плечо.

Утром встанем где-то в сене,
Что же чувствует душа?
В этой жизни многоженец,
До чего ж ты хороша!

2

На прогулке два гусара
Пошутили на рыси,
Что воскресные базары
Есть лицо Святой Руси.

В скобяном найдешь подковы,
За углом висят штаны,
Экипаж стоит вот новый
Для красавицы жены.

Вот блины, а там икра,
На столах дымится чай,
И везде идет игра,
Шулеров лишь примечай.

Здесь барышники лихие
Подведут к тебе коня,
Бабки могут быть больные,
Положись, брат, на меня.

Для людей везде забавы,
Для купцов – серьезный торг,
Песни ветреной Любавы,
За кулисы – свежий торт.

Ближе к ночи у цыган
В черных шапках лихачи
Ожидают тех, кто пьян,
И скрывают их в ночи.

У цыган лихая пляска,
Величание купчин,
И совсем у них остаться
Не находим мы причин.

Этикетки и запреты,
Скучно, братцы, на Руси,
Песни все уже пропеты,
На коня и вдаль скачи!

Велико чужое поле,
Больше сотни десятин,
Тяжела ты наша доля,
На семью мужик один.

Да и жизнь его не тетка,
Не приносит калачи,
Не молчи, мужичья глотка,
На кобылу закричи.

Бессловесная скотина
От обид вильнет хвостом,
С мужиком натрудят спины,
У реки лежат пластом.

Только слышится у речки
Тонкий, звонкий голосок,
Принесла обед из редьки
Дочка – маленький цветок.

И откуда взялась сила,
Залучились вдруг глаза,
И с ресницы соскочила
Счастья легкая слеза.

Взял ребенка он на руки,

Показал России ширь,
Подрастешь до подволоки,
За землей пойдём в Сибирь.

Заработаем на славу,
Обряжу тебя в шелка,
Приглядишь сама лукаво
Ты лихого жениха.

Закачу такую свадьбу,
Зашатается земля,
И в огромную усадьбу
Соберется вся семья.

А пока, беги до мамы,
Поцелуй ей передай,
Тучка темная с громами,
Что несет, поди, узнай.

4

На стене все фолианты,
Серебро, сафьян и хром,
Мыслей умных бриллианты
Засверкали под пером.

Изучили все науки,
Прочитали мудрецов,
Обрекли себя на муки

Упрекать своих отцов

За ошибки управленья
В государственных делах,
При всеобщем удивленьи
Даже в царственных кругах.

Не живем, как иностранцы,
Бьем опять земной поклон,
Где же вы, республиканцы,
Идол их – Наполеон.

Щебетушечки Жоржетты
Из кухарок в дамы шик,
Водевильные сюжеты,
Не в поддевочке мужик.

Нет в России конституций,
Остается все, как встарь,
И без западных инструкций
Правит русский государь.

На него глядят с опаской,
Вдруг найдет какая блажь,
Сала с Сечи Запорожской
Принеси ему, ублажь.

То трясутся в страхе турки,
То молчит угрюмый швед,

Облетают штукатурки
От салютов в честь побед.

Повоюет, ляжет в спячку,
Проведет ли крестный ход,
Чтоб потом пороть горячку,
Созывая всех в поход.

5

Где-то в северных границах
Расположен дикий край,
Весь в серебряных зарницах,
Там погиб и хан Мамай.

Здесь любой завоеватель
Поднимался на ножи,
Есть защита – Божья Мать,
И здоровые мужи.

Ход любых цивилизаций
Прекращался на Руси,
Все устали от новаций,
Полежать бы на печи.

Но культурная Европа,
Где вступит ее нога,
Воспитает вмиг холопа
При посредстве батога.

Дикий варвар необуздан,
Не использует богатств,
И пока не будет взнуздан,
Сам он их нам не отдаст.

Есть колонии за морем,
Есть и рядом рубежи,
Весь народ мы перепорем,
И господ посторожим.

Господа французят лихо,
И имеют тонкий нюх,
Даже каждая купчиха
Презирает русский дух.

Подневольные крестьяне
Про свободу запоют,
А придет к ним вольтерьянец,
Хлеба с солью поднесут.

Решено – идем с рассветом,
Русских надо поучать:
На полях июньским летом
Зачернела вражья рать.

Смрад и вонь,
Молодой кричит о маме,
Лишь у выхода огонь.

Нету меда в рационе,
Лямка долгая тяжка,
Дома как бы похоронен,
Жизнь его на дне мешка.

Кивер, ложка и ружье,
Крест и чистое белье,
Вот его житье-бытье,
Крики, ругань, батожье.

Били в морду офицеры,
Сам стегал кого прутом,
И смертельные примеры
За казармой, там их дом.

В чистой хате на постое
Здоровенный гренадер,
Чин и званье непростое —
Лейб-гвардейский офицер.

Уж успел понюхать порох,
Для солдат отец и мать,
На войне бы был в майорах,
Есть к войне большая страсть.

У полковника забота
Дочку замуж выдавать,
Какой девке-то охота
В гарнизонах куковать.

Генерал своим мундиром
Украшал сегодня бал,
Как приятно быть кумиром,
Он мазурку танцевал.

Кто с друзьями веселился,
А кто выл в ночи с тоски,
Только месяц багрянился,
Шли с работы батраки.

7

Началась война привычно,
Не готовы ни к чему,
Отступали, как обычно,
Не поймут все, почему.

Полководцы огрызались,
Не с врагом, а меж собой,
Так тихонько оказались
Где-то в поле, под Москвой.

Отступать вообще без битвы,
Ну, какой же это блеск,

Были все пока молитвы
В битве в городе Смоленск.

Откопали в поле ямы,
В ряд поставили полки,
Чтобы все стояли прямо,
Помогали кулаки.

На мишенном этом поле
Одной пулей било двух,
А картечь и что поболе,
Все сметало в прах и пух.

Помогала только смелость,
Ну, не бросишь же друзей,
Раз стоишь, то ты как крепость
С сотней стареньких фузей.

Нападал противник смело,
Все кричал «хурра», «мон дьё»,
Штык пропарывал умело
Зарубежное шмутъё.

Люди хрипли, ржали кони,
Трупы свежие лежат,
Зов красавицы Агонии
Охватил войска подряд.

Офицеры перед войском

Кто убит, кто уцелел,
Не хвалился больше лоском,
Волей сильной затвердел.

Только ночь сравняла силы,
Всех живых собой спасла,
Но у всех гудели жилы,
В голове колокола.

8

А наутро после битвы
Предстоял большой совет,
Молчалив после молитвы
Тот, кто держит весь ответ.

Обошел все лазареты,
Прочитал все рапорта,
Сообщили конфиденты,
Что за нами лишь Москва.

Имя громко, но без силы
Очень лакомый трофей,
Думай же, вояка сивый,
Что для Родины важней.

По осенней ли пороше
Или будет грязь густа,
Златоглавый город брошен,

И стоит Москва пуста.

Не склонит она колени,
Посмеется над врагом,
В огнедышащей кипени
Разнесется петухом.

Соберутся ополченцы,
Подойдут еще войска,
Вновь познают иноземцы
Вкус большого башмака.

Будет много разных браней,
Поражений и побед,
И потом, весною ранней,
Мы в Париж придем в обед.

9

Александр там добрый гений,
Рубль серебряный хорош,
От российских песнопений
Рот раскрыл босяк Гаврош.

Что нам нужно от Европы,
Ум, каштаны из огня,
Приключения на жопу
В виде плетки и ремня?

Но не учится Россия,
Хоть ей кол на лбу теши,
Во все влезет, как Мессия,
Огребая от души

И упреки и поклепы,
И от «братьев», и «друзей»,
Два притопа, три прихлопа —
Убирайтесь поскорей!

Много слышали историй
Про далекие века,
Несть количеству теорий
И рассказов из лубка.

Изменились сильно люди,
Все враги сейчас друзья,
Приезжают отовсюду,
Без друзей сейчас нельзя.

И сегодня по старинке
Англичанят господа,
За границу, в глубинке
Есть роддом для их ребят.

Обо всем уже сказали,
Что на двух витках назад,
Повторится то едва ли,
Но о том уже кричат.

Оркестр

Я настрою в своем доме краны,
Словно клапаны в трубах оркестра,
По утрам будут слушать все гаммы
И учиться играть что-то вместе.

В праздник мы заиграем «Калинку»,
Перед свадьбою марш Мендельсона,
Мы запишем всем домом пластинку,
Мужики подпоют баритоном.

Будет дом наш с утра музыкальным,
Партитуры дадим по квартирам,
Колыбельные песни по спальням
И шансон для гуляний всем миром.

Я письма пишу никому в никуда

Я письма пишу никому в никуда
В старинной тетради чернильным пером,
Их с почты увозит с собой иногда
Седой почтальон, проскакавший верхом.

Ответы приходят не часто ко мне
Из средних веков и из будущих лет,
Я с ними встречаюсь в полуночном сне:
С графиней на бале, с крестьянкой в селе.

Я что-то застрял в этом проклятом веке,
Назад не вернусь и не двинусь вперед,
Как много собралось в одном человеке:
И пламя бушует, и зеркалом лед.

Сантехническое

Ночь. Иду. Вызов срочный:
В доме пять на седьмом этаже
Засорилась труба как нарочно,
Дама плачет и вся в неглиже,

На площадке стоит в пеньюаре,
Сигарета в руках «Пелл и Мэлл»,
Как с картины сошла Ренуара
И в руке котик белый, как мел.

Прохожу в сапогах по квартире,
Кран внизу я уже перекрыл,
Не скажу, что там было в сортире,
Кто-то сверху трубу ей забил.

Два часа я с засором возился,
Дал перчатки хозяйке, давай,
Пусть мяукает бедная киса,
Неприятно, но грязь убирай.

Все мы сделали где-то под утро,
Воду жителям я подключил,
И хозяйка расправила кудри
И на стол уже мечет харчи.

Выпил я из стаканчика виски,
Рассказал о себе все, как есть,
И царапала дверь ее киска,
Очень нравится женщинам лесть.

Сантехническое – 1

Я могу сказать – я романтик,
Путешественник, бизнесмен,
На рубашке моей галстук-бантик
И вообще я крутой супермэн.

А стихи сочиняю от скуки,
Мол, душа моя спать не даёт,
И беру я перо в свои руки
И пишу ночи все напролет.

В воскресенье хожу я к обедне,
Знаю лики всех главных святых,
И я в храме влюбился намедни
В ангелочка земной красоты.

С нею вместе мы в парке гуляли,
Я свои прочитал ей стихи,
Она может играть на рояле
И я ко двору в женихи.

Ее папа – директор завода,
Он известный у нас олигарх,
А я мастер давать людям воду
И плясать не могу на балах.

Я признался во всем своей даме,
Что я слесарь-сантехник простой,
Она молча пошла к своей маме,
Я пока похожу холостой.

Сеновал

Ночь. Луна. Тишина. Сеновал.
Свежий клевер и памяти шквал.
Пламя страсти горело во тьме,
Ты была, или снилась ты мне?

Только ветер подует с лугов,
Милый запах приносит любовь,
Ты была, словно в небе звезда,
Не встречал я такие глаза.

В полнотравье я чуточку пьян,
На коне я ношусь по полям,
Для тебя не меняю пути,
И тебе от меня не уйти.

Веселуха

Заходишь в любую пивную,
Не глядя на столик плюешь,
Я знаю Россию святую,
Начавши немалый дебош.

И в драку полезут все люди,
Без злобы, вражды, а за так,
Уставшим – три кружки на блюде,
И всем перекур – просто так.

Потом все столы мы сдвигаем
И в складчину водки попьем,
Вот лето приходит за маем,
Так весело, братцы, живем.

Улица Цветочная

Я бывал в параллельном мире
И гулял по Цветочной улице,
Пиво пил в настоящем трактире
Чай стоял на огромном блюде.

В обиходе язык старинный,
Словно все начитались Толстого,
И поэты встречались в гостиных
До обеда, в начале второго.

И у дам не болтаются груди,
И пупки у них скрыты блузкой,
Не натурщицы разных студий,
Представители нации русской.

И театр, как очаг культуры,
Не плескают водой со сцены,
Не снимают штаны в натуре,
Воспитанию знают цену.

Кто из нас тогда настоящий,
То ли мы в современном мире,
То ли он, за стеклом стоящий,
Опираясь рукой на рапиру.

Песня

Я косу у стола расплетаю
И сквозь слезы я песню пою,
Отчего же любовь улетает
И живет где-то в дальнем краю.

Не зовут меня просто любимой,
И вообще никуда не зовут,
Мое счастье проехало мимо,
Услыхав про людскую молву.

Как не любят у нас всех счастливых,
Если счастлив, то счастье украл,
И поэтому плачут все ивы
И все листья у них как слеза.

Может, счастье мое мне приснилось
И его лучик солнца прогнал,
А росой следы все замыло
И просохла до сердца тропа.

Я тряхну своей пышной косою
И начну новым днем свою жизнь,
Полюбуйтесь моею красою,
Хороши у любви миражи.

Не тоскуй

Что-то песни не поются
И подружка лишь одна,
Погадаю я на блюде
Темной ночью у окна.

Может, свечка мне осветит,
Что записано в судьбе,
Может, леший бросит сети,
Чтоб забрать меня к себе.

Только знаю, рано утром
Убежит к себе тоска,
Дивный сон бывает мудрым
И на мне твоя рука.

Кавказская история

На Кавказе снег лавины
Сбросил в пропасть экипаж,
Девочку достали осетины,
С нею пистолет «Лепаж».

Взял себе девчонку пристав,
Старый, из лихих вояк,
Все мечтал растить джигита,
Только Бог решил не так.

И росла огонь-девица,
Вместо кукол шашка, конь,
Ликом красна, баловница,
Но посмей ее лишь тронь.

На балах была царица,
Дома – радость для людей,
И обязан тут явиться
На коне лихом злодей.

Он и вправду появился,
На груди за храбрость крест,
Ждали завтра, он сюрпризом
Проскакал через черкес.

В эполетах лейб-гусарских,
Черен глаз, закручен ус,
На боку клинок дамасский,
В снаряженье знает вкус.

И в коне его арабском
Кровь кипит, пустился б вскачь,
Во дворе привязан барском,
Тонко ржет, как будто плач,

Точно знает, что хозяин
Станет жертвой женских глаз,
Словно к дому чем привязан
Петербургский ловелас.

Только девушка спокойна,
Вид военных ей не нов,
Ей известны эти войны
У паркетных шаркунов.

Был ли ловок в котильоне
Иль в кадрили поплясал
И в гвардейском батальоне
Новый крестик засверкал.

Здесь Кавказ, летают пули,
Днем – кунак, в ночи – абрек,
И духанщик старый жулик,

И солдат как дровосек

Рубит лес, чтобы чечены
В нем не прятались в ночи,
Чтобы меньше было пленных,
Больше топлива в печи.

Пусть покажет себя в схватках,
Потом выйдет в местный свет,
Или был силен на пятках,
Показав прекрасный бег.

Утром выехали в горы,
В облаках седой Эльбрус,
Носит эхо разговоры,
Разгоняя мглу и грусть.

Вот с ближайшего утёса
Взмыл орёл, парит в выси,
Издали донёсся цокот,
Мчатся горцы на рыси.

Не уедешь, не ускачешь,
Заманила их судьба
На прогулку возле дачи
У орлиного гнезда.

И к концу подходит сказка
Про огромную любовь,

Скачи быстро, синеглазка,
Здесь сейчас прольётся кровь.

Вот мой конь, кольцо от мамы,
Всем скажи, что ты княжна,
Пусть поплачут в свете дамы,
Только ты моя жена.

Взял пистолы, зарядил их,
К боку сдвинул свой кинжал,
С честью встретит он чужих,
За невесту жизнь отдал.

Только дама рассмеялась,
Успокойтесь вы, мон шер,
Мимо группа проскакала.
Впереди был офицер.

Ваша храбрость так приятна,
Засылайте мне сватов,
Всё лицо гусара в пятнах,
Прыг в седло и был таков.

Вот сейчас конец у сказки,
Дом – жена, строй – командир,
Если женщина без ласки,
Всё же платье не мундир.

Конура

По миру ношусь я как ветер,
Америка, Африка, Русь,
Возможно, характером ветрен,
А, может, гоню свою грусть.

Во время своих остановок
В блокноте стихи запишу,
Заеду я к даме бубновой
Ошейник отдать Чернышу.

Мне руку лизнет друг лохматый,
Останься, тебя здесь все ждут,
Из кухни летят ароматы,
Не сдашь мне свою конуру?

Краски

Разными красками жизнь разукрашу,
Вот акварели и беличья кисть,
Розовой краской замажу я сажу,
Злость будет белой как гербовый лист

Кошечек черных я кистью не трону,
Ласковый зверь и удач талисман,
Я нарисую для кошки корону,
Тигр из кошачьих, а это я сам

Томных брюнеток покрашу в блондинок,
Хитрых блондинок – в каштановый цвет,
Больше не будет черных ботинок,
Все в белых фраках – таков этикет

Город раскрашу в большие цветочки,
Улицы станут как радостный сад,
В этих стихах запятые без точек,
Чтоб моя песня была без конца

Милый шалаш

Розовой краской я утро покрашу,
Брызну водой – будто дождь на стекле,
Мне не понравился милый шалашик
Где-то на поле в далеком селе.

Петь под гитару про солнце лесное
Можно недолго – неделю, ну, две,
Кончится быстро в банках мясное,
Мысли исчезнут совсем в голове.

Завтра пойдем мы в задымленный город,
В грохот машин и в тоннели метро,
В грязь тротуаров и соль на дороге,
В буквы бегущих по улицам строк.

Скоро мы вспомним шалаш на опушке,
Трель жаворонка, росу поутру,
Может, заманит какой-нибудь Пушкин
Снова построить в лесу конуру.

Время дождей

Тяжелое небо, свинцовое солнце,
Серые тени прозрачных людей,
Землю испили по капле до донца,
Соли зеленка на месте морей.

Воздух в бутылках, вода в пузырьках,
Мясо в таблетках, морковь в порошке,
Все гипермаркеты в банках-ларечках,
Деньги в копейках в бумажном кульке.

Смылась элита в больших звездолетах,
Стала «рублевка» приютом бомжей,
Ходят солдаты в защитных пилотках,
Скоро вернется время дождей.

Неслучайно случайная встреча

Встретились мы неслучайно случайно
В мартовский день в очень давнем году
Ты шла с прогулки с улыбкой печальной,
Я покатился по тонкому льду.

Бросилась ты ко мне храбро навстречу,
Так мы с тобой провалились пол лед,
Кто-то судил и неслись чьи-то речи,
Мы с тобой пили настоящий мед.

Так было сладко питье из легенды,
Плыли в тумане в неведомый век,
В памяти нашей мотки киноленты
Крутятся ночью в моей голове.

Booker

Кто-то спичку зажег за моею спиной,
Закурил не спеша сигарету,
Это ты хотел пообщаться со мной
И узнать для успеха секреты?

Разве счастье в удаче и шуме толпы,
Ты сегодня кумир, а завтра забыт,
Из земли вырывают героям столбы
И могилы сравнивали следами копыт.

Если хочешь, я дам тебе славу,
Можно на год, а можно – на пять,
Хоть навечно, не верю я слову,
Вот и нож, чтоб контракт подписать.

Будешь ты Властелином порока,
Будешь златом мне души скупать,
И страстей станешь модным пророком,
И на все будешь ставить печать

Как червонец и надпись в нем Booker,
Она дружбе положит конец,
Сколько зла лишь в одном только звуке,
И монета, как царский венец.

Сказки Востока

Чары сказок волшебных Востока
Исчезают в тени паранджи,
Будто стихло журчанье потока
По приказу злодея-раджи.

В рубаи нам воспетые пэри
В капюшонах и в черных платках,
Может быть, я открыл не те двери
И очнулся в прошедших веках.

Эй, проснитесь, на улице солнце,
Не одни вы себе на уме,
Современными стали японцы,
Закопав «бусидо» на холме.

Селенга́

Восточней Байкала большая страна,
Три тысячи сопок одна за другой,
И там проживает девчонка одна,
Зовут ее все Селенгой.

Она мне не скажет ни «да» или «нет»,
Смеется, бежит по делам,
Вчера обещала послать мне ответ,
Поехать в Даурию к нам.

Я жду ее долго и ночью, и днем,
Цветы все завяли, повсюду снега,
Примчится в апреле весенним ручьем
Девчонка моя Селенга́.

Талисман

Я – праздник, открытка, подарок в фольге,
Себя перешлю я по почте к тебе,
Пусть яркое пламя в твоём очаге
Осветит дорогу к счастливой судьбе.

Меня ты положишь на дно у комода,
В конверте красивом я твой талисман,
В мундире военном одет я по моде,
Завистники скажут, что это обман.

Меня ты забудешь в заботах семейных,
Я изредка буду являться во сне,
То тенью вечерней в гостиной на стенах,
И зайчиком солнца на легкой волне.

В пути

Не умею играть на гитаре,
Мне на ухо медведь наступил,
Но зато я мужчина не старый
И не дам заскучать вам в пути.

Я не буду излишне назойлив,
К месту вставлю о дамах стихи,
Буду я в мушкетерском камзоле
И в сутане прощать вам грехи.

Телефон ваш забуду мгновенно,
Птица счастья должна быть ничьей,
Как и я в необъятной Вселенной
Всегда ваш и такой же ничей.

Capitanstory

Не играю на скрипке и флейте,
Не подвластен гитар перезвон,
Лучше водки в стакан мне налейте,
Расскажу вам вчерашний я сон.

Был на бал приглашен к королеве
И записан я с ней в менюэт,
Встал я скромно у трона налево
В блеске дам и в лучах эполет.

Шел я в паре с моей королевой,
Прикасаясь легонько к руке,
А сержант мне кричал: левой, левой!
И оркестр нам играл вдалеке.

На плацу строевом как на бале,
С автоматом «на грудь» четкий шаг,
И в манеже верхом гарцевали,
Новой жизни совсем не страшась.

А потом в офицерском собрание
Своих дам пригласим мы на вальс
И уедем служить утром ранним,
Ожидая известий от вас.

Весна

Я влюбляюсь в тебя по весне,
Когда с солнцем играют капли.
Прихожу к тебе в гости во сне
Каждый день в непонятном апреле.

Я встречаю тебя каждый день,
Без тебя будет день не полный,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.